

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ
В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
“ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И ЕЁ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ”**

Новосибирский государственный краеведческий музей
РФ, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 23

Автушкова Александра Леонидовна – научный
сотрудник, e-mail: alinanet913@gmail.com (подробнее)

Сибирский университет потребительской кооперации
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор
исторических наук, профессор Академии военных наук,
эксперт РАН, e-mail: kwladislaw@yandex.ru (подробнее)

Государственный архив Новосибирской области,
РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

Самарин Игорь Валерьевич – археограф
I категории Государственного архива
Новосибирской области,
e-mail: ingvar1985@ngs.ru (подробнее)

Деятельность “Общества изучения Сибири и её производительных сил” во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. – яркий пример организации научных исследований без бюрократического аппарата. История создания и деятельность “Общества” изучена достаточно хорошо, однако за рамками научных исследований остаётся содержательная сторона исследовательской деятельности “Общества”. А между тем, оно занималось тем, что можно по праву назвать научным краеведением: изучением природных ресурсов Сибири для использования научных данных для развития производительных сил.

Этнографические исследования, проводимые “Обществом”, на первый взгляд не вписываются в эту схему. Однако изучение жизни и быта народов Сибири было поставлено в связь с проблемами дальнейшего освоения малозаселённых сибирских территорий.

В частности, одно из этнографических исследований такого рода было посвящено народам, проживающим в Нарымском крае, их традиционному быту, их взаимодействию с переселенцами из Европейской России, а также тем трансформациям, которые происходили в хозяйстве и быту народов Нарымского края под влиянием этих связей.

Документ приведён в орфографии и пунктуации оригинала, исправлены только очевидные опечатки. Исправления, сделанные поверх машинописного текста, приведены в квадратных скобках.

ОТЧЁТ

этнографа-экономиста Е. Орловой о поездке в составе комплексной научной экспедиции в Нарым летом 1927 г. – “Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт”

Часть 1.

Вступление

По колонизационному плану Наркомзема за 10 – 15 ближайших лет предполагается вселить в Сибкрай 2,5 млн переселенцев.

При цифре 9 млн всего населения Сибкрая эта масса переселенцев должна увеличить население края на одну четвертую часть. Увеличение населения для десятилетнего периода достаточно солидное, и влияние этого увеличения должно будет сказаться на всех сторонах жизни края.

Естественно, что одной из задач Наркомзема и районных переселенческих управлений является подготовка к этим самым изменениям.

Предполагается два района переселения. Один – уже обжитой район, – это по магистрали и южнее её. Переселение в эти районы повлечёт за собой уплотнение в них населения через интенсификацию хозяйства. Второй район переселения – это таёжные зоны севернее магистрали. Заселение этих районов Наркомземом разбито на четыре очереди, и переселение сюда предполагает предварительное и тщательное их изучение, причём уже *a priori* становится ясным, что в этих районах, заселённых туземцами, придётся принять во внимание хозяйственные особенности быта туземцев, чтобы их безболезненно ввести в новые условия предстоящей жизни.

И наряду с выяснением колонизационных фондов, наряду с изучением природных условий территории выдвигается задача тщательного изучения хозяйства и быта туземцев, чтобы выяснить те формы туземного хозяйства, которые необходимо будет укрепить до вселения переселенца, дабы этот новый сосед не оказался для туземца при Советской власти тем самым, чем оказался для него русский пришелец при царском правительстве.

С пространственной стороны предполагаемые к заселению таёжные районы не оставляют желать ничего лучшего. Плотность населения там минимальная. Население селится лишь по берегам рек. Посёлки очень невелики и часто находятся друг от друга на далёком расстоянии. Так, в Васюганье среднее расстояние между юртами по притокам 80 – 100 вёрст, на Кети – 22 версты, на Тыму – 26 вёрст.

Добровольные поселенцы этих районов (тарские крестьяне в Васюганье, заимка Ведеревых на Тыму, русские крестьяне в низовьях Кети) говорят за возможность развития там культуры зерновых хлебов (рожь, пшеница, овёс), корнеплодов и овощей, а также и разведения крупного рогатого скота и домашней птицы. Но это всё по берегам рек, в ограниченных местах расположения грив и всхолмлений, в местах, покрытых сухими сосновыми борами или оланями. Далёкие расстояния между юртами говорят, что эти прибрежные и удобные для хлеборобов-

переселенцев места ещё имеют вполне достаточную ёмкость и почти не использованы.

На первый взгляд положение говорит за возможность большого количества переселенцев в эти районы, и особенно в этом убеждает минимальная плотность населения северных таёжных зон. Но если мы внимательно изучим все факторы, обуславливающие хозяйственную жизнь населения этих районов, мы придём к категорическому убеждению в строгом количественном ограничении переселения в эти районы.

Все переселенческие хозяйства, попадающие в таёжные зоны (Нарымский край, Киренский округ), всегда превращаются в хозяйства интегрального характера. В этих районах слишком трудна расчистка тайги под пашню – с одной стороны, с другой стороны, – не лёгок и сбыт продукта, нет рабочих рук. Всё это ограничивает посев крестьянина до необходимого для личного потребления минимума. Но так как даже в этих районах в настоящее время натуральным хозяйством не прожить, и “не единым хлебом жив человек” в буквальном смысле этого выражения. Переселенец принимается за промыслы, развитые в крае. Он занимается охотой, рыбной ловлей, кедровым и ягодным промыслами.

Этот уклон в промысловость всякого хозяйства в таёжной зоне и является основной причиной для ограничения количества переселенцев в этот район.

Охотничий промысел, необходимый переселенцу для реализации наличного капитала в хозяйство, уже по самому своему существу требует больших свободных не обжитых территорий даже при некоторой возможной в этом глухом крае рационализации охотхозяйства. Указываемое ниже падение добычи охотпродукта за последние 10 лет, являющееся следствием целого ряда причин, заставляет современного охотника искать более напряжённо, чем раньше, зверя. И когда в охотугодьях вместе с уменьшением зверя увеличивается количество охотников, то это уже катастрофично отзывается на промысле.

Но нужно помнить, что если для переселенца охота является подсобной статьёй, то в бюджете туземца она ещё долго будет иметь доминирующее значение, и ослабление в этом отношении поведёт к ослаблению и без того скромного бюджета охотника.

Эти соображения заставляют быть более осторожными в отношении определения степени ёмкости таёжных районов для колонизации, которую Советская власть имеет ввиду провести безболезненно для туземца.

И для этого нужно, с одной стороны, ослабить значение в туземном бюджете охотпромысла, развив другие отрасли хозяйства, и, с другой стороны, ограничить колонизацию края, имея ввиду не сельскохозяйственную, а промысловую ёмкость района.

Все вышеизложенные соображения были предусмотрены рядом организаций, направивших летом 1927 г. большую комплексную научно-промысловую экспедицию Сибирской рыбохозяйственной станции в Нарымский край. Имея в своём составе ихтиологов, гидробиологов, гидрохимиков и почвоведов для изучения рыбного хозяйства края и причин замора, экспедиция была усилена со стороны Переселенческого управления, [вписано чернилами: и Комс'одом] Общества изучения производительных сил Сибирского края агрономом и

этнографом-экономистом. Дополненные несколькими статистиками последние образовали в экспедиции статистико-экономические и этнографический отряд, в задачи которого вошло изучение бытовых и экономических сторон жизни туземного и русского населения правобережья Оби для выявления там рентабельных форм хозяйства. Методом работ было избрано полевое возможно сплошное статистическое обследование, для чего были выработаны соответствующие поселенные и похозяйственные бланки.

В орбиту обследования попала река Чулым от [пропуск в тексте] до устья реки Кеть от посёлка Ключевой до устья реки Тым, от заимки Ведеревых до устья и правый берег реки Обь, от устья Чулыма до села Александровского. В туземном районе Кети и на Тыму обследование производилось по возможности сплошное, а в русских (нижнее течение реки Кети и Чулым), а также и в смешанном районе (правого берега реки Оби) обследование было отдельно выборочное <...>

Нарымский край

<...> Принимая во внимание, что каждый район Нарымского края имеет огромную площадь (Александровский – 80 120 кв. км, Карагасский – 109 230 кв. км, Колпашевский – 61 900 кв. км, Парабельский – 33 150 кв. км, Чаинский – 29 100 кв. км), станет ясным, что подразделения на экономико-географические единицы в Нарымском крае должны быть ещё более мелкое и не всегда совпадать с административным. Нужно только вспомнить, что самая северная часть Нарымского края имеет 61 градус широты, а южная – 58 градусов, восточные территории его водами связываются с Енисеем, а юго-западные – с Иртышом (мы знаем, что водоразделы не разделяют, а связывают районы, благодаря общности географических условий для берущих в них начало рек), и станет ясно, какое разнообразие условий вмещает в себе Нарымский край, и как необходимо, особенно для практических выводов и мероприятий приступить к более детальной характеристике районов.

Такое разделение напрашивается прежде всего по водной системе.

Глубоко различны между собою право- и левобережье Нарымского края.

Левобережье, омываемое реками Чаей, Парабелью и Васюганом с их многочисленными притоками, получает воды с Васюганско-Абинского болота, питающего также и притоки Иртыша.

И бассейн Парабели и Васюгана отличается несколько особенной топографией местности, климатическими условиями и социальными факторами, и здесь на часто встречающихся гривах с каждым годом больше созревает хлебов, густеют и растут русские хлебоборобные посёлки, падают исконные промыслы Нарымского края (ореховый, охотничий и рыбный) и смягчаются национальные особенности коренного туземного населения, благодаря взаимному влиянию и метисации.

Правобережье реки Обь, включающее бассейны реки Кети, Тыма и Ваха, берущих начало с меридионального водораздела с Енисеем, даёт совершенно другие географические условия и имеет совершенно другие социальные факторы сравнительно с левобережьем.

Более суровые климатические условия, с одной стороны, и, быть может, большая заболоченность (хотя этот вопрос ещё ждёт своего разрешения) и, с другой стороны, – окружение с востока, особенно севера да даже и запада почти ненаселёнными огромными таёжными территориями, этот район таит в себе большие возможности, не привлекая к себе пока достаточного для его эксплуатации количества населения. И редкое его население состоит из туземцев и начавшихся прославляться русских, занимающихся эксплуатацией и природных его богатств по чисто собирательному признаку.

Но эти две огромные площади района – правобережье и левобережье – нужно в свою очередь подразделить по их физико-географическим и социальным факторам на ряд более мелких районов. Правые и левые стороны притоков сильно отличаются друг от друга, но ещё более отличаются берега верхних, средних и нижних течений всех рек и речек Нарымского края. Настоящая работа касается среднего и нижнего течения реки Кети и реки Тыма.

В отрезе Кети между Колокольниковым и Усть-Озёрем живут остяки, вернее – остяки-самоеды. Это частично коренные жители этой части реки и, кроме того, те туземцы, которых, с одной стороны, вытеснили с верховья реки староверы, а с другой, – со среднего течения – постройка Обско-Енисейского канала.

Описание хозяйственного среднего течения бытования остяков Кети, которое помещено, всецело будет характеризовать и остяков этого отрезка, нужно только указать, что, благодаря более удалённому месту обитания, остяки этого района во многом сохранили более стойко свою самобытность, сравнительно с остяками среднего течения Кети.

Верхним течением Кети, по её социально-географическим признакам, мы считаем отрез от истока до посёлка Усть-Озёрного (559 вёрст от устья), служащего началом Обь-Енисейского канала. И в этом отрезе по национальному составу и хозяйственному бытованию его население резко разделяется на две части. Часть, расположившаяся по ту и другую сторону села Маковского, когда-то Маковского острога (возник в 1618 г.), привлёкшего к себе ещё в раннюю эпоху русское население, заселена главным образом староверами, являющимися здесь постоянными, неутомимыми и смелыми пионерами таёжного хлебопашества. Укрывшиеся в глухих таёжных углах они расчищают непроходимые урманы, засевают хлеба, устраивают пасеки, разводят молочный скот. Охотнее всего для своих заимок они пользуются еланями, которые в верховьях Кети встречаются нередко.

Верхний отрез частью своей входит в Красноярский округ, и характеристика его бассейна совпадает с характеристикой в этой части Красноярского округа. Более южное положение, мягкий сравнительно климат, хорошее орошение и почвы, положение в срединной Сибири сделали этот отрез Кети хлебопашеским районом. Соседство же с Ачинским и Канским округами дали приток сюда русского населения, главным образом старообрядцев, которые отодвинули коренное туземное население с самых верховьев Кети, и только ниже села Колокольникова, в верхнем течении Кети, мы встречаем туземцев.

Средний отрез реки Кети нужно считать от устья реки Озерной до первой группы русских деревень: Юдиной, Пановой и др. Он характеризуется основным

туземным населением с прослаиванием его русским и чисто промысловым хозяйственным бытом у тех и других.

Нижний отрез начинается от того места Кети, в котором к её левому берегу почти вплотную подходит высокая Боровая грива, – по этой гриве расположились русские деревни. От деревни Жигановой они перекинулись на правый берег и там потянулись до самого устья Кети. Этот отрез характеризуется русским составом населения и развитием хлебопашества.

Хозяйственный быт населения Прикетского района Томского округа

Бассейн реки Кети, как и большинство бассейнов других рек Нарымского края, заселён очень слабо. Все ниже поименованные селения располагаются в узкой береговой полосе, и только несколько семейств кержаков живёт по притокам, в бассейнах которых кочуют редкие тунгусы.

От посёлка Усть-Озерного до села Тогура (место впадения Кети в Обь) расположено всего 53 селения. По национальному составу этих селений Кеть от Усть-Озерного можно разделить на три района.

Первый район – туземный от Усть-Озерья до села Максимоярковского, в котором имеется всего навсего 6 селений, из которых 5 чисто туземных и 1 русское. Туземцы этого района местными жителями называются “верховскими остяками” и отличаются тем, что их национальная самобытность здесь сохранилась более, чем у других туземных групп соседних районов. Эти туземцы в своём бытовании сохранили много черт кочевого быта, обусловленных ещё до сих пор совершенно нетронутой промысловой формой хозяйства. Верховские остяки ещё до сих пор слабо подверглись русификации, – так, мы видим в этом районе два русских селения, но ни одного смешанного, и здесь нет ни одного метиса.

Второй район – смешанный от села Максимоярковского и до деревни Мысовой. Здесь мы имеем 14 селений, из которых нет ни одного чисто туземного, 13 смешанных и одно русское (пристань Широковская), причём в этих смешанных селениях, кроме того, что в одном селении находятся русские и туземные хозяйства, имеется и много смешанных браков; так, из числа 70 семейств в указанных 14 селениях 25 русских браков, 21 остяцких и 24 остяко-русских, т.е. смешанных. В отличие от верховских эти остяки называются здесь низовскими, но племенного различия между ними нет, – как те, так и другие – остяко-самоеды, наречие у них одно, и различия только в большей русификации, повлёкшей за собой отличия по формам хозяйства, а следовательно и быта. Среди низовских остяко-самоедов в их промысловое хозяйство вклиниваются уже элементы сельскохозяйственные (рогатый скот и огородничество).

И, наконец, третий район – русский, в котором из 34 посёлков мы имеем 32 чисто русских деревни и два смешанных посёлка (Белояровский и юрты Ильдесские).

В первом названном нами туземном районе имеются следующие юрты с таким составом:

название селения	количество хозяйств			
	русских	смешанных	остяцких	всего
Юрты Усть-Озерные	4	–	–	4
Юрты Кондаковы	–	–	3	3
Юрты Зубрековы	–	–	5	5
Юрты Пирины	2	–	–	2
Юрты Бергуновы	–	–	2	2
Юрты Аргаусовы	–	–	2	2
Всего	6	–	12	18

Мы видим, что здесь из 18 хозяйств – 6 русских и 12 туземных и ни одного смешанного селения, что характерно для этой части района. Дальше идёт смешанная часть района. Здесь мы имеем:

название селения	количество хозяйств			
	русских	смешанных	остяцких	всего
Село Максимоярдовское	7	4	5	16
Юрты Миташкины	–	1	2	3
Юрты Каяксины	–	1	2	3
Юрты Алипкины	3	4	5	12
Юрты Ибескины	2	1	2	5
Юрты Мулешкины	3	3	2	8
Юрты Карелины	3	3	2	8
Юрты Широковы	–	3	2	8
Пристань Широкова	8	–	–	8
Всего	24	21	20	65

Из 65 хозяйств мы имеем 24 русских, 21 смешанных (метисов) и 20 чисто туземных.

Нужно указать, что в юртах Боркиных, Ганькиных, Палочкиных и Савкиных, примыкающих к этому же району и примыкающих непосредственно к русскому району, всё население смешанное.

Сравнивая с данными 1911 г. (перепись Переселенческого управления), оказывается, что общее количество хозяйств в селениях на Кети возросло и, главным образом, за счёт русского населения. Количество туземных хозяйств уменьшилось и заменилось русскими и метисами <...>

Из 13 отмеченных в 1911 г. туземных посёлков в настоящее время чисто туземных осталось только 4. Нужно оговориться только, что в переписи 1911 г., к сожалению, метисы не указываются, а все идут под термином “инородцы”, но так как при исследовании 1927 г. метисских браков более 14-летнего периода не наблюдалось, то цифру 13 можно считать близкой к действительности.

Мы видим, что увеличение количества хозяйств в селениях почти везде идёт за счёт русских.

Наиболее увеличившиеся в туземных районах селения <...> Юрты Пирины – была 1 семья туземцев, сейчас – 5 семейств русских; селение Максимоярдовское –

было 10 семей туземных и 4 русских, теперь – 5 туземных, 4 смешанных и 7 русских; юрты Алипкины – было 6 семейств туземных, теперь 5 семейств туземных, 4 смешанных и 3 русских.

Мы видим везде уменьшение туземных семейств, возможно, с превращением в смешанные и увеличение русских. В русском районе мы почти везде видим увеличение населения.

Эта очень заметная русификация Кетского района является очень характерной для всего Нарымского края, причём в правобережье Оби она слабее, чем в левобережье и в северных притоках меньше, чем в южных. По самым притокам (наблюдения над Васюганом, Чежанкой, Кетью) более русифицированными являются устья (приток русских с Оби) и верховья притоков (приток русских с южных истоков водоразделов). Явление русификации в Нарымском крае настолько значительно, что проведении там национальной политики его необходимо принимать во внимание и ниже мы этого ещё коснёмся.

Промысловый район Кети. Формы хозяйственного быта населения Кети различаются по тем же географическим отрезам, какие мы выше установили.

Верхний и средний отрез – промысловый с начинающими вклиниваться, благодаря русским, элементами сельского хозяйства (скотоводство, огородничество). Наиболее характерно промысловое хозяйство на Кети у остяков-самоедов.

Кетские остяки или остяко-самоеды представляют собой группу, отличающуюся от других нарымских остяков только наречием и местообитанием.

Внешний облик кетских остяков-самоедов типичен и для всех остальных: они среднего роста, коренасты, темноволосы, смуглы, с характерными выпуклостями скул, полными губами, широким носом и тёмными, не очень узкими глазами.

Кроме этого типа в верховьях Кети встречаются типы худощавые с узкими длинными лицами, тонкими губами, прямым, узким, но не высоким носом. Эти типы довольно редки и встречаются более в верхнем течении Кети [Примечание: Присутствие этого внешнего типа противоречит предположениям некоторых исследователей о чисто самоедском происхождении той группы остяков, которую мы привыкли называть остяко-самоедами. Этот вопрос должно разрешить антропологическое изучение нарымского населения, которое необходимо произвести в ближайшее время, особенно, принимая во внимание массовое явление метисации. В сказочном эпосе остяко-самоедов и в их скульптуре (изображение лоз) мы встречаем именно такой тип, что говорит о большей его древности сравнительно с распространённым сейчас, по нашему мнению, образовавшимся от смешения остяцкого народа с самоедами (тем более, что оставшаяся сравнительно чистой группа васюганских остяков в среднем его течении также приближается к типу зубрековских остяков)].

Кетские остяко-самоеды живут небольшими посёлками, которые в Нарымском крае вообще называются юртами.

Большая часть остяцких юрт в Кетском районе располагается не на самой Кети, а в ангах, притоках и речушках. Так, на среднем течении Кети от русского посёлка Усть-Озёрного и до пристани Широковой, населённой русскими, вы не встретите на берегу Кети ни одного строения – впечатление совершенно необитаемой реки,

в то время, как в этом отрезе расположено 14 остяцких посёлков “юрт”. Но все остяцкие посёлки на Кети имеют очень характерное расположение: обыкновенно в полуверсте, в версте, в двух и более от берега выбирается высокая сухая грива с могучим вековым кедровником на берегу какого-нибудь озера или протоки. Найти остяцкий юрт на Кети без проводника совершенно невозможно. Ничто на берегу не указывает на жильё. Очень заросшая тропка выявляется только уже отступя немного в тайге. Делаю выписку из дневника, характеризующую расположение остяцких юрт на Кети: «Наша лодка остановилась по указанию остяка возле высокого таёжного берега, на котором не было никаких признаков человеческого [жилья] <...> Через некоторое время снова блеснула освещённая солнцем вода. У берега уже ожидал меня проводник. С большой осторожностью устроив на дне обласка фотографический аппарат, я села в обласок, мы поплыли по довольно длинному овальному озеру, окаймлённому пологими, покрытыми осокой и дальше берёзой и осиной берегами. Шли озером, пока не нашли “горло” – проливчик шириной в 2 метра и длиной сажен пять – из него опять вошли в озеро, затем опять “горло” и третье озеро. Четвёртое “горло” оказалось очень длинным, оно тянулось около версты и таким узким, что только тут я нашла оправдание особенно маленьким и лёгким остяцким обласкам на Кети (Кетские остяко-самоеды боятся садиться в кетский обласок – настолько он мал). Казалось, что наша лодочка режет высокую осоку. Мы отпихивались веслом, притягивались за траву рукой, иногда вылезали, где “горло” пересыхало и, прыгая по кочкам, продвигали осторожно вперёд наше судно с единственным пассажиром – фотографическим аппаратом. Наконец, мы снова вышли в небольшое озерко, сплошь заросшее белыми кувшинками – “няче” по-остяцки. Впереди озерко окаймлялось густыми старыми кедром, под которыми ютились 3 избушки и два амбарчика на сваях – Каяксинны юрты. Иногда путь в юрты идёт через тайгу пешеходной узкой тропкой. Расстояние юрт от берега бывает от 100 сажен до 12 вёрст (Юрты Карелины).

Один от другого остяцкие посёлки на Кети находятся на довольно большом расстоянии. Среднее расстояние между юртами в районе посёлка Усть-Озёрного и до деревни Мысовой – 22 версты. Самое большое расстояние – 90 вёрст и самое меньшее – 2 версты. Сообщение между юртами летом водой на обласках, но между некоторыми юртами возможно и сухопутное сообщение пешком или верхом на лошади. Колёсных дорог между юртами совершенно нет, они начинаются только в деревнях, да и то на телегах там почти не ездят, а больше употребляются “колёса”, т.е. двухколёсная таратайка. В остяко-самоедских хозяйствах на Кети колёс в инвентаре никаких и не имеется. Зимой сообщение на лошадях. Существует санная дорога, дающая возможность передвижения на одной лошади в узких санях. Санная дорога или “зимник”, как она здесь зовётся, не всегда идёт по извилистой Кети, а её более прямое направление проходит как раз мимо всех тех юрт, что располагаются по ангам и озёрам. Езда по зимнику также затруднительна, так как хотя и имеется дорожная повинность по расчистке пути (уборка хвороста, засыпка ям, сглаживание взвозов), дороги эти очень плохи. ВО время же переходного периода (распутица) юрты бывают совершенно оторваны от остального населения.

Характеризуя пути сообщения между юртами, нельзя не указать на очень тяжело ложающуюся на туземное хозяйство общепринятую в Нарымском крае поставку сена для проезжающих. Фактически каждый нарымский посёлок является постоянным двором, в котором бесплатно каждый проезжающий получает пристанище и корм для себя и коней. Вследствие этого зачастую в безлошадных хозяйствах можно видеть большие заготовки сена. Имея ввиду, что сенокосное время совпадает с рыболовством, что сенокосы часто находятся далеко, ясно, каким обременением является это принудительное гостеприимство для остяко-самоедов. Особенно трудно бывает малочисленным юртам в районах лесных промыслов, где количество проезжающих зимой велико.

В упомянутых выше юртах Каяксиных население говорило, что очень было бы радо, если бы количество дворов у них возросло, так как предстоящие заготовки лесов в ближайшем бору очень тягостно лягут на их маленькое селение. Правда, в некоторых местах Наркрая начинают платить за сено, но плата эта ничтожна, и она никак не может возместить затраченного семьёй труда на сенокосение.

Остяцкие юрты – посёлки небольшие. Охотникам и рыбакам предпочтительнее жить поодиночке, и больших посёлков в промысловом отрезе Кети мы не встречаем, что видно из ниже помещаемых данных. Из 20 посёлков (юрт) промыслового района: до 5 изб имеют 7 юрт, от 5 до 10 изб – 8 юрт, от 10 до 14 – 4 юрты и село Максимояровское в этом отрезе – 17 изб.

По характеру своему юрты кетских остяко-самоедов мало чем отличаются от юрт остяко-самоедов левобережья Оби. Та же разбросанность отдельных строений, отсутствие дворов и, вообще, каких-либо оград. Но, благодаря большей изолированности, большей удалённости (русские хотя и рано попали на Кеть, но мало на ней оседали), в бытовании кетских остяко-самоедов осталось немало памятников из самобытности. Проезжая летом по кетским юртам, я везде видела большое количество свайных амбарчиков, количество которых в кетских юртах всегда превышает количество жилых изб. Жилыми строениями здесь везде являются избы, кроме юрт Аргаусовых и Савкиных, где мне ещё удалось увидеть землянки “карамо”, уже совершенно вышедшие из обихода у левобережного населения. Кроме того, здесь сохранилась ещё постройка, также уже давно не бытующая у левобережных остяко-самоедов. Это – летняя кухня – конусообразный четырёхугольный тёсовый балаган, у которого конус сверху срезан и начинается не от самой земли, а имеет четырёхугольный фундамент из толстых брёвен. Вышина середины кухни, обыкновенно, около 2 метров, квадратура – 2 метра. Двери нет, вместе неё прислоняются доски. Внутри – земляной пол, посередине разводится костёр, к которому на палочном тагане подвешиваются котлы и чайники, над костром – отверстие для выхода дыма. Летом в этой кухне готовится всё, кроме хлеба. Амбарчики и особенно летние эти кухни являются живыми свидетелями неизжитых ещё остатков кочевого образа жизни. Жилыми постройками являются избы. В зависимости от достатка избы бывают различными, но все они – русского типа и большей частью всё-таки с односкатной плоской крышей, четырёхстенные, без сеней, часто без пола. В некоторые юрты на Кети занесена характерная старинная изба северных губерний

с высокой подклетью, с горницей, крытым крыльцом и двором. Таковы избы у остяков в юртах Карелиных и Карбиных.

Нужно отметить, что элементы украшений, распространённые на левобережье Оби, у кетских остяков почти совершенно отсутствуют. Так же, как нет здесь внутренних украшений жилищ, нет и наружных. Резные наличники, распространённые на Васюгане, здесь также неизвестны.

Внутренность остяко-самоедской четырёхстенной избы очень однообразна. Большой частью налево от входа – печь, направо – широкие нары, у передней стены – стол простой, часто неокрашенный и без украшений, скамья, иногда – стулья. Пол редко покрашен, не мыт и редко подметается. Стены не белёные, закоптелые. Украшений никаких. Изредка на стенах развешаны глухаринные хвосты, душки утиные и гусиные, веночки из пустых спичечных коробок. В переднем углу часто – иконы, – старые, закоптелые, беспризорные, и рядом с ними нередко и современные плакаты на самые случайные темы, мало относящиеся к жизни туземцев. Портреты вождей, нередко украшающие жилища левобережных остяков, у кетских отсутствуют.

Отопляют жилища различно. Самая примитивная печь – чувал – конусообразная глиняная печь, поставленная в углу прямо на земляной пол, её суживающийся верх выходит непосредственно в отверстие крыши; высота чувала около полутора метров при диаметре у основания $\frac{3}{4}$ метра; отверстие – высотой метр и шириной полметра.

Стенки чувала выводятся из сплетённого черёмухового прута и обмазываются глиной, перемешанной с ржаными отрубями. Служит для приготовления пищи и сушки одежды при возвращении с промысла.

Следующей формой является печь – чувал выступает от угла вперёд в избу, и задняя стенка его удлиняется. Полученная форма – близкая к русской печи, но делается она также – короб из тальника или черёмухи и глины с отрубями. И, наконец, уже настоящая форма русской печи с шестком, зелом, потом и печурками или глинобитная или даже кирпичная.

Но большинство изб на Кети отапливается сейчас одними “железками”, а для хлебопечения общественная глиняная печь устраивается на улице, причём иногда она от дождя и снега закрывается берестяными тисками, а иногда над ней делается уже деревянный навес.

Домашняя утварь кетских остяко-самоедов смешанная. Здесь уже много рыночной посуды, но доминирующую роль играет дерево и береста. Из бересты – корыта, вёдра для носки воды, кузовки для ягод, ванночки для купания детей, солонки, ложки, сельницы для муки, куженьки для засола рыбы, коробки для женских рукоделий. Для хранения чайной посуды делают чаще всего корзинки из черёмуховой сарги, но эта работа уже начинает забываться. Интересно, что у кетских остяко-самоедов, как уже указано выше, меньше, чем у других сохранились украшения, и орнамент сейчас можно встретить только на вещах из бересты <...>

030 →